Нина Данилевская

Астрик и Маргарита

Нина Данилевская

Астрик и Маргарита

«Издательские решения»

Данилевская Н. М.

Астрик и Маргарита / Н. М. Данилевская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900657-8

Вновь в центре внимания автора — история женской души. Героиня взрослеет, влюбляется, мудреет, овладевая простыми истинами: об иллюзиях и идеалах, о красоте и влюбленности, о заботе и дружбе, о компромиссах и о смысле жизни. Она дочь чудака-ученого — из тех, что способны подвергнуть фантастическому эксперименту собственных детей. Чем закончатся дерзкие попытки вмешательства в божественный миропорядок? Победит ли вера в человеческий разум, в возможность коррекции слепой природы?

ISBN 978-5-44-900657-8

© Данилевская Н. М.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 19

Астрик и Маргарита

Нина Михайловна Данилевская

Я глянул в зеркало с утра
И судрога пронзила сердце:
Ужели эта красота
Весь мир спасет меня посредством?
И страшно стало.
Дмитрий Александрович Пригов

Редактор Анастасия Дмитриевна Васильева

© Нина Михайловна Данилевская, 2017

ISBN 978-5-4490-0657-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пусть героиню зовут Астрик (с ударением на первом слоге). Это, конечно, не настоящее ее имя, пришлось изменить. Дело в том, что с ней произошли события, о которых, в силу их общей фантастичности, моральной неоднозначности, а местами и вовсе противозаконности, мало кто захотел бы говорить открыто.

Итак, она звалась… Астрик. Ее отец выращивал под окнами астры и маргаритки и говорил, что «астра» – это в переводе с какого-то древнего языка – звезда. Астрик, стало быть, – звездочка.

Хотя нет, надуманное какое-то имя. Искусственное. Я дам ей другое. А Астрик приберегу для более адекватного случая – я уже знаю какого. Ее же назовем Маргаритой.

Она была довольно-таки заброшенным ребенком. Мать, красавица, рано умерла. А отец был ученым. Циником, фантазером и экспериментатором. Он ставил немыслимые опыты. Единственное, о чем он жалел в этой жизни, – это то, что его самые заветные научные мечты были неизменно связаны с нарушением закона, морали, чьих-то прав и прочей сентиментальной белиберды, которую он ни в грош не ставил рядом со своей доминантой – чистым экспериментом.

А он ненавидел милиционеров!

Не считая откровенно оценочного эпитета «циник», мы знаем о нем то, что он пренебрегал законом и моралью. Но страх перед милицией, как мы можем догадаться, с таким же успехом держал его в рамках, как в других – более приемлемых для нас – случаях держит совесть. Так почему же мы явно предпочитаем эту вторую схему? Ответ: она надежнее. Доброта, которая зиждется на внутренней потребности, с меньшей вероятностью даст сбой, чем та, что основывается на страхах. (Ну по крайней мере такова субъективная реальность, данная нам в предощущении.)

Маргарита была дитя улиц. С раннего возраста она научилась таскать мелочь из… (да по дому она везде валялась) и бегать по ближайшим магазинам за едой. Она покупала в кафе напротив вафельные стаканчики со взбитыми сливками, в магазине через квартал – свежие булочки с молоком, у метро – мороженое и шоколадки. А то вдруг приносила домой пачку риса и варила себе рис. Это выглядело очень комично. Ребенок пяти лет и вдруг варит рис. Вообще-то, кому неизвестно, скажу, что варить рис – это искусство, требующее по меньшей мере опыта. Гречка – это просто (ей ничего не будет), а рис может развариться, слипнуться, пригореть, остаться сырым; пригореть, слипнуться и остаться сырым одновременно; и прочие непредви-

денности. Маргарита (или Маргаритка, как ее называли дворовые бабульки, а то и просто – Цветочек, так она трогала всех своими распахнутыми, непосредственными, одновременно легкомысленными и озабоченными голубыми глазами), так вот Маргарита узнала рецепт приготовления риса у одной из вышеупомянутых бабулек. Случилось так, что ей надоели сладости. Ей захотелось нормально поесть. И захотелось риса. Ведь бывает так, что думаешь, что бы такое съесть, начинаешь мысленно перебирать возможности: сливки, булочки, шоколадки… все не то. Идешь по другому пути: яблоко, банан, помидор даже… нет, не то… Картошка, макароны, рис… рис… ага. И вдруг понимаешь, что хочешь только рис и больше ничего.

Пятилетнее дитё с ее репутацией и пачкой риса в придачу… Ясно, тут же возникли вопросы. «Себе купила?», «Кто готовить будет?», «Умеешь?» и тому подобное. Вот почему случилось, что Маргарита научилась варить рис. И еще многому потом научили ее бабульки. Она каждую из них так и называла – бабушка. Неудивительно, что ее любили во дворе. Бабульки каждое ее появление провожали сочувственными покивываниями и причитаниями.

Круг общения был соответствующий. Дворовые дети, такие же заброшенные. Но с бабульками она тоже с удовольствием разговаривала. Рассказывала, рассуждала. Они очень умилялись. Уже в два года она удивила одну бабульку, сделав следующее наблюдение: «Я говорю про тебя «ты», а ты говоришь про тебя «я», но я говорю про меня «я», а ты говоришь про меня «ты». Та только брови подняла.

В ее речи сочетались отголоски разных социальных кругов. Она знала слово «тинктура», вполне уместно употребляла выражение «эмпирическим путем»; с другой стороны, глубоко вдыхала и произносила на выдохе: «О хос-с-споди!»; или, злым взглядом проводив соседскую девчонку, могла прорычать от нее же почерпнутое: «Собака сраная!».

И все же главным ориентиром, идеалом, так сказать (а это, как мы прекрасно знаем, работает лучше любой системы воспитания), было нечто совсем другое. Загадочное и недоступное. Тайное, отзывающееся какой-то непонятной тоской, смутными мечтаниями…

В соседнем подъезде жила художница. Между нами, многоопытными, говоря, неустроенная, неприкаянная, неудовлетворенная, часто заспанная… Но на свежий, не умудренный взгляд Маргариты, – воплощенное изящество и красота. Особенно когда та с распущенными длинными волосами и в юбке до земли выходила из подъезда с этюдником и через несколько трепетных мгновений исчезала в арке. Или обратный маршрут. А иногда в прямом платье и шляпке того же цвета… Но неизменно без спутников, одна и с каким-то отрешенным выражением лица, со складкой между бровями. Никогда ни с кем не здоровалась. Маргарита никогда не слышала ее голоса. Это добавляло таинственности.

Девочек влечет к женщинам несколько факторов. Во-первых, материнский дефицит (в Маргаритином случае это было особенно сильно, тем более что было и какое-то формальное сходство с женщиной на пожелтевшем фото – тоже худой и в шляпке). Во-вторых, желание быть похожей, стать похожей. В-третьих, смутное желание быть, что ли, достойной… Впрочем, Маргарита была далека от того, чтобы теоретизировать на эту тему, но именно через этот маячивший все отрочество образ художницы она впервые ощутила на себе воздействие того, что в первую очередь отличает человека от животного (ну, животного в широком смысле слова, конечно), – воздействие красоты.

Но сама Маргарита выросла совсем другой. Она стала крепенькой девушкой-подростком в рваных джинсах и циклопических футболках. Распущенные волосы, правда, она себе все же оставила (да что там – прямая солома!). Но шляпки и платья – никогда. Она словно бы не удостаивала этот подлый мир своей красотой. Да. Некоторые вот не удостаивают быть умными, она же, напротив, любила быть умной, сначала комически-умной, потом – просто и ненавязчиво; но красотой – нет, это было святое. Она не удостаивала ею этот подлый мир.

Она гоняла на мотоцикле на огромных скоростях. Сначала на заднем сиденье – крепко держась за талию впереди сидящего парня. Она даже не совсем отдавала себе отчет в том,

чья именно талия находится в ее крепком объятии. (В каком-нибудь кинофильме это можно было бы изобразить так, что вот она садится на мотоцикл, перекидывается двумя-тремя словами с каким-нибудь рыжим верзилой, берется за его талию – крупный план… потом проносящийся городской пейзаж, рев мотора, камера возвращается к парню, а там уже совсем другое лицо, затем третье…). Потом у нее возник собственный мотоцикл, и в вышеуказанном функциональном элементе отпала нужда.

Алкоголь, сигареты, наркотики? – Нет, бог миловал. Просто не понравилось и все. Невкусно. Ну и плюс – тот смутный запрет, связанный с неосознанным самоуважением имеющего идеал человека.

Учеба, работа, деньги, творческая самореализация? – Да, почему бы нет? Маячивший идеал формировал требовательность к себе еще и в этом отношении. Плюс – отцовские гены.

С отцом она почти не общалась. Он ей не мешал, и она ему не мешала. За неимением лучшего – тоже вариант семейной идиллии. (Его, кстати, очень устраивала ее привычка готовить еду.)

Она занималась журналистикой и фотографией. Необходимая для этой стези наблюдательность, как помним, была развита в ней с детства. А от отца в наследство досталась привычка анализировать, сравнивать и осмыслять. У нее было также здоровое не сдержанное воспитанием любопытство и широта взглядов. Но в отличие от отца она не была методичной. Она быстро увлекалась самыми разными вещами. То училась играть на пианино, то покупала флейту и нанимала учителя, то вдруг большой теннис, то рисование и лепка, то древние цивилизации, то математические головоломки, то шахматы, то телескоп. Но ей не нравилось копать глубоко. Как только увлечение начинало попахивать скучным занудством, она бросала. Ну то есть не то, чтобы совсем бросала, но достигала определенного уровня и дальше не шла. Это обеспечивало ей удивительный, хотя и не глубокий в своих частностях кругозор. Типичная журналистка.

И, конечно, у нее был абсолютно безграничный круг общения (что тоже радикально отличало от затворника-отца). В процессе каждого увлечения (а в момент его апогея это была прямо-таки всепоглощающая страсть) она сближалась с соответствующими людьми – будь то очкарики с мехмата, музыкально-художественная богема или спортсмены. И как-то везде она умела чувствовать себя своей. Ведь это пресловутое «свойств**о**» как раз и определяется степенью приобщенности к интересу. Часто мы внедряемся в компанию людей просто из дефицита общения, а к их интересам уже приобщаемся задним числом – как к поводу для встреч. Но это со стороны быстро вычисляется, чувствуется как-то, сопровождается обидной снисходительностью – и не удается обычно прижиться в этой ситуации. Но Маргарита была не из таких. Любой очкарик невооруженным глазом (извиняюсь за циничный каламбур) видел, что у нее в приоритетах не общение, а именно эта каверзная, дразнящая, досадная задачка, не дающая ей покоя. Это, конечно, пронзало.

(Почему так нравится увлеченность? Почему мы немеем в благоговении перед увлеченными людьми? Очень сложный вопрос. Думаю, что подлинная увлеченность каким-то делом в нашем сознании/подсознании несовместима с такими вещами, как мелочная корысть, бытовая жадность, подлость, агрессия, соперничество и т. п. Ведь все это связано с суетной борьбой за место под солнцем, а одухотворенный увлечением человек достаточно равнодушен к земному, чтобы не участвовать в этой борьбе; львиная доля его душевных сил уходит в другое русло. (Но речь, разумеется, идет об искреннем увлечении, а не о маске горемыки-неудачника, сквозь которую неприглядно просвечивают зависть и обида на весь мир, уютно расположившийся на том самом месте под солнцем.)

Любовь, романы? – Ох, она была тот тип, который влюбляется исступленно и слепо. Это просто такая химия организма. Жизненный опыт здесь ничему не учит, разве что уж очень медленно, когда результат может быть в равной степени объяснен и химически-возрастными

изменениями. Зато после очередного измотавшего душу романа она с радостью поняла, что любовь – это вид невроза, от которого излечиваешься. Быстрее ли, дольше ли, но он неизбежно проходит, этот невроз. Причем иногда так благословенно неожиданно, таким счастливым облегчением! Был момент – она думала, что дома одна, – когда отец, вдруг пройдя по коридору, увидел ее сквозь полуотворенный проем: она, схватив мамину фотографию и распахнув глаза-маргаритки (эту ассоциацию прочно вызывала ее лучиками расходящаяся светло-голубая радужка), в восторге кричала: «Мамочка! Радость! Я разлюбила!!!». В такие моменты она ощущала в себе силы атланта. Независимая, она уже горы могла перевернуть. О, эта эйфория душевного освобождения! Когда снова видишь весну, деревья, можешь радоваться мелочам, мечтать о чем-то, что-то делать… Да-а… По сравнению с тем адом ревности, обид, недолюбленности, бесплодных ожиданий… – наступала просто-таки невыносимая легкость бытия.

Подруги? – Сложный вопрос. В принципе, по сути – в глубине души – она была довольно привязчивым человеком. Отнюдь не самодостаточным. И, видимо смутно ощущая в себе эту потенциальную ранимость, она не рисковала сближаться с теми из девчонок, кто ей нравился – кем потом было бы больно быть (эка поросль грибного губья – Цинциннат был бы в восторге) – больно было бы быть преданной. А близкое родство женской дружбы и предательства она как-то кожей ощущала.

И по этой же причине она не боялась общаться с чудиками. Она одаривала их своим благорасположением, как бы дешево покупая их любовь. Но до дружбы приближала только избранных, не желая сама становиться причиной боли.

В общем, была у нее одна закадычная подруга. Тоже вольная журналистка и фотограф. Они вместе пробивались тем, что, снимая студию, делали на заказ фотосессии нарциссически настроенным личностям. Подруга называла себя Денис. (Ну то есть у нее было какое-то прозаическое имя, типа Аня или Оля, но она настаивала на том, что ее gender не совпадает с ее sex и она ощущает себя мальчиком, а именно – Денисом.) При этом она была такой тщедушненькой активной девчонкой с живыми глазами и по-журналистски бойким языком. Маргарите было с ней вполне интересно, легко и чуть-чуть снисходительно. Тем более что имидж мальчика потихоньку подкреплялся соответствующими медикаментами, в обозримом будущем грозящими даже перейти безоперационный рубеж. У девочки Дениса стал ломаться голос, она (или оно – уж и непонятно, как называть) выработал (-а) мальчишескую походку, и с каждым годом действительно становилась все больше похожа на мальчика. Но Маргарита воспринимала ее как подругу и в разговорах с ней с трудом переключалась на окончания мужского рода, которые та (по крайней мере на публике) требовала со все большей категоричностью.

А эстетически это было немного обидно. В самом деле: тщедушная, маленькая девушка с рюкзачком – это очень мило, но тщедушный маленький парень с подчеркнуто огромными мужскими сумками и скабрезностями – это уже как-то не так презентабельно. И добро бы была лесбиянка. Так ведь нет. Не было у Маргариты повода это заподозрить.

Шло лето 2010-го. Они делали для журнала совместный репортаж по какой-то светской вечеринке. Денис – уже совсем паренек – бегал с диктофоном, Маргарита фотографировала. В перерывах, уставшие, они садились у стены на стулья и, сблизив головы, просматривали материал, обмениваясь идеями: Маргарита – по тексту, Денис – по видеоряду.

– Я думаю, не стоит все-таки записывать их дословно.

– Ты че, это уже до фига отредактировано.

– Значит недостаточно. Беспомощные какие-то фразы. А это что за синтаксический монстр?

– Ну-у, должна же быть изюминка.

– Прекрати, ты же сама потом неприятностей не оберешься, – горячилась Маргарита.

– Б.., мать! Я же просил без женского рода! – вскинулся Денис.

– Ой, прости. Ладно, я буду следить за собой, но при одном условии.

– Н-ну?

– Если ты откажешься от этого мерзопакостного мужланского жаргона и мата. Ты как Мулан. Она, чтобы выглядеть убедительно в военной форме, пыталась харкаться и дралась с солдатами.

Они вспомнили эпизод, Денис начал воспроизводить неудачные попытки Мулан лихо сплюнуть – и они зашлись в усталом истерическом смехе.

На эти заразительные звуки среагировал стоящий поодаль юный Адонис (как про себя его тут же окрестила Маргарита). Он подошел к ним, улыбаясь, заговорил. Они никак не могли отсмеяться – и он действительно был заинтригован причиной столь неуемного веселья (вечеринка, в общем-то, была скучновата). Денис объяснил, что они вспоминали эпизод из «Мулан». Оказалось, что Адонис тоже смотрел и, когда Денис повторил инсценировку, тоже весело рассмеялся. Он подсел, они начали общаться, разузнавать, кто что здесь делает, кто кого из присутствующих знает, кто чем вообще в жизни занимается и так далее. Адониса прихватили сюда родители – друзья именинника, вульгарновато веселящиеся на сцене, – и он весь вечер раздраженно скучал. Пошли к столу, перекусили, что-то выпили… Для журналистов бесценна возможность сойтись с кем-нибудь неформально: можно узнать много любопытного, что потом заметно оживляет репортаж. И Денис – текстовик – ухватился за эту возможность, в то время как Маргарита наслаждалась чистым общением. Уж очень он был харизматичен: неспешные манеры, блестящий интересующийся взгляд, утонченные черты лица… (И почему, столь разумная в дружбе со своим полом, Маргарита была так безрассудна при сближении с мужчинами? Ведь последствия в разы болезненнее! Эх, химия, химия…). А Адонис тем временем все дольше задерживал свой обворожительный взгляд на лучистых распахнутых глазах-маргаритках (эх, эх: увядать им теперь в течение лет двух, не меньше).

Он позвонил не сразу. Хоть они и обменялись телефонами, и Денис, надо сказать, уже не раз с ним перезванивался – уточнял кое-какие подробности. Но Маргарита никогда не звонила первая. Этот, скажем так, единственный шанс на выживание она все же оставляла себе поначалу. Зато уж второй шаг она не удерживала. Да и третий, и четвертый – и пошло-поехало.

А вначале он позвонил. Он так и представился:

– Адонис.

– Мило.

– Денис рассказал.

– Ну он известная вонючка, – двусмысленно в плане мужского/женского рода ответила она.

И довольно быстро раскрутился роман. У него периодически случались ощутимые суммы денег (родители откупались) – и через пару месяцев после знакомства он повез Маргариту в Венецию. Он спросил, куда она хочет поехать (сам представляя себе скорее Канары или Майорку), но его внешность, и его волнующий голос как-то щемяще сплавились в ее душе с туманным образом одинокой художницы – и что-то внутреннее непреодолимо потребовало от нее поместить все это в венецианский контекст.

(Денис долго и зло смеялся. Он был гораздо более трезв в своих романтико-эротических предприятиях).

Итальянцы, надо сказать, совершенно обезумели от Маргариты. Увидев ее белые волосы, уличные художники начинали призывно верещать и пытались с переменным успехом ухватить ее за дырки в джинсах. Адонис проходил несколько шагов вперед, останавливался и вполоборота наблюдал эти сцены, улыбаясь своими зелеными глазами. Сам он был похож на итальянца – и художники, размахивая кистями, наперебой что-то тараторили ему, рассчитывая на понимание. Маргарита смеялась, отбиваясь.

– Если хочешь, я прекращу все это, – заботливо предлагал Адонис и, хмуря брови, как бы демонстрировал ей свой скрытый потенциал воинственности, но Маргарита только смеялась, успокаивающе беря его узкую руку.

Они гуляли. Он цитировал:

Ремянный бич я достаю
С протяжным окриком тогда
И ангелов наотмашь бью,
И ангелы сквозь провода
Взлетают в городскую высь —
Так с венетийских площадей
Пугливо голуби неслись
От ног возлюбленной моей…[1]

А Маргарита совсем не видела себя на месте этой возлюбленной. В картинку удивительно гармонично вписывался образ художницы в длинной юбке – и он как-то незримо присутствовал с ними в той поездке.

– Ты знаешь, что в твоей вечной влюбленности в нее есть что-то абсолютно детское? – пытался отрезвить ее Адонис.

– Да, я знаю. Но это что-то – это самое лучшее во мне, – вздыхала Маргарита.

– В тебе или в воображаемой тебе?

Потом они уезжали за город, бродили по горам, от одной деревушки к другой, питались в маленьких кафешках чиабаттами с оливковым маслом, божественно сладкими помидорами с базиликом и чем-то поджаренным прямо тут же, во дворе, на решетке. Гурманствовали на тему домашних вин.

День на пятый один из художников – молодой и томный – равнодушно скользнув по Маргарите, надолго остановил свой взгляд на Адонисе. Маргарита ничего не заметила. Но тот-то заметил.

Утром он специально пошел через площадь.

– Ты говоришь, что училась рисовать? – начал он. – Давай купим тебе альбом, ты будешь делать наброски.

Они зашли в ближайшую художественную лавку, купили набор состаренной бумаги, легкий переносной этюдник, карандаши, сангину, уголь. Долго ходили, выбирали виды. Потом он стратегически посидел рядом с полчасика на парапете – и собрался пойти «побродить». Маргарита, конечно, стала возражать, хотела отказаться от рисования, но он как-то спокойно и убедительно сказал, что очень любит гулять один. Она озадаченно почесала нос и согласилась.

– Давай тогда уж, чтоб не зависеть друг от друга, встретимся за ужином, – предложил он.

– Ох-х. Ну давай, – сказала она и про себя добавила: – Попробую как-нибудь дожить.

Впрочем, она увлеклась рисованием, несколько раз меняла места и хорошо провела день.

А он вернулся на площадь. Появление его там без Маргариты было красноречивее слов. Тем более что у них и не было общего языка. Сначала он сел перед художником на стул – тот в несколько штрихов набросал его портрет. Потом они безмолвно встали, пошли в отель. Эта молчаливая страстность невероятно вдохновила Адониса. Эмоции были столь обострены, что места для угрызений и вообще для какого-либо разлада с собой совершенно не осталось. Все так же, в молчании, он проводил его обратно до площади – портрет все еще стоял на оставленном мольберте, – взглядом попрощался и ушел.

…И ведь дело вовсе не в том, что он, как говорится, был замечательно аморален. Вовсе не в том. Он был бы рад рассказать об этом Маргарите. Он был бы просто счастлив, если б подобное не приходилось в жизни скрывать. Если б вообще – ничего не надо (ну, по крайней

[1] Владислав Ходасевич. Баллада

мере, не обязательно) было бы скрывать. Это очень противно – скрывать: неизбежно возникает ощущение обмана. Это портит карму (понятие «карма» он употреблял не в мистическом, а скорее в терминологическом смысле – как некая психологическая основа взаимоотношений с миром и с собой – больше даже с собой, чем с миром; наиболее близким по значению было бы понятие «самооценка», но это пошлое слово не удовлетворяло его требовательной языковой интуиции; а может быть, из-за избитости потеряло свою глубинную сущность, не отражало всей тонкости и важности, всей смысловой напряженности и многоаспектности явления, называемого им «кармой»). Но он понимал: Маргарита не готова к такой правде. Не из предрассудков, конечно (она достаточно умна и широка во взглядах, чтобы не осуждать бисексуальность или неверность). Но она влюблена, а значит ей будет больно от этой правды. И все будет непоправимо испорчено.

С другой стороны, логично задаться вопросом, так ли необходим ему был этот эпизод? Стоил ли он того, чтобы обмануть любящее сердце? И вот здесь ему приходилось настаивать перед собой на праве лично сделать выбор (без учета общепринятых моральных норм, которые он принципиально презирал). И в данном случае он однозначно предпочел вышеозначенный эпизод перспективе чистой совести: он обогатил его душевную жизнь, вообще – обогатил его жизнь и всю эту поездку одним из важных воспоминаний: он намного больше давал карме, чем факт необмана Маргариты, который повлек бы за собой (он прекрасно знал это по опыту) сожаления, самоосуждение за малодушие и – рикошетом – невольное охлаждение к Маргарите.

Вот приблизительно такая позиция, такой моральный облик. И не стоит спешить с осуждениями. Вообще, не стоит никогда спешить с осуждениями. В девяноста пяти процентах случаев это ложная эмоция. Один раз Маргарита сильно поругалась на эту тему с Денисом. Он с пеной у рта возмущался поведением одного общего знакомого по журналистской богеме – некого Льюиса – на основании того, что тот, мол, «аморальный тип». А Маргариту вообще покоробила такая категория, как «аморальный тип». Она критиковала закрепленные нормы морали как сухой и негибкий механизм, отстаивала право человека на самостоятельный выбор.

– Что ж теперь? я могу подличать, подслушивать, выдавать чужие секреты – и никто меня не должен осуждать? – недоумевал Денис.

– Зачем осуждать? Тебе просто дадут в морду, перестанут с тобой общаться, любить не будут – это твой выбор.

– Ну а какая разница? Все это и называется – осудить.

– Нет! Разница принципиальная. Осудить – значит поставить себя выше – заявить свое превосходство, подмять. Не успеешь оглянуться, как это станет самоцелью. А уж осудить всегда найдется за что.

– Суд общественного мнения – это механизм воспитания. Если б не он, знаешь сколько козлов вонючих бы расплодилось?

– Это глупый и грубый механизм. А козлы вонючие очень мало от него зависят. Или ловко им манипулируют. А страдают от него, как известно, как раз «пророки».

– И все-таки, что ни говори, а Льюис – какашка: он постоянно изменяет Жене и очень противно ей врет. Она от этого сильно страдает. Он мне мерзок.

– Да, он и мне мерзок. Я его не люблю и при встрече всегда предпочту сделать вид, что не заметила. Но это не значит, что мы с тобой лучше него. У всех свои недостатки. А точнее, каждый делает свой выбор.

– Я предпочитаю держаться подальше от людей с таким выбором.

– Ты да, а Женька, видимо, нет. Ей важнее его таланты и красота. Не ты ж за него вышла (пардон, вышел). Это в тебе инстинкт самосохранения говорит, а не осуждение.

– Что ж, по-твоему, и маньяк не хуже нас?

– Да зачем вообще примерять на себя? Какое тебе в этом удовольствие? Самооценка твоя, что ли, от этого поднимается? Тогда так и скажи: я вас осуждаю, потому что у меня потребность чувствовать себя выше вас. Оставь маньяка угрозыску и суду!

– Но если у меня все в душе переворачивается от злости, когда я узнаю о его проделках!

– Естественно, правильно – нормальная реакция самозащиты.

– И я хочу, чтобы его не просто казнили, а медленно и больно.

– Зачем?

– Чтоб прочувствовал.

– А смысл?

– Месть, справедливость.

– Я спрашиваю про смысл, пользу, а ты мне выдаешь какие-то сомнительные абстрактные категории. Хорошо, какой смысл в мести?

– Ты знаешь, для родителей жертвы в этом может быть очень важный смысл. Удовлетворение чувства справедливости, выход злости – утешение какое-то.

– Ох уж мне это утешение каленым железом! Нет, пусть утешением несчастных родителей занимаются психотерапевты. У них, я уверена, есть более пристойные наработки.

– Ну тогда чтобы другим неповадно было. Понимаешь, если люди не будут бояться казни, может много маньяков расплодиться.

– Страх смерти – достаточная острастка. А если во всеуслышание предавать маньяка пыткам, то ты этим только больше садистов наплодишь – привьешь вкус к жестокости, высвободишь кровавые инстинкты. Нет уж, пусть лучше на все это будет наложено жесточайшее табу. Пусть люди с пеленок обучаются тому, что это ни в каких ситуациях недопустимо. В этом уж точно пользы будет больше.

Они сидели в кафе на Мойке и ждали одну даму: это был очень выгодный заказ – фотосессия на фоне старых городов. Дама обеспечивала транспорт, гостиницы и хорошо платила. Маргарита и не заметила, каким образом Венеция вдруг обернулась Питером, а Адонис Денисом. Будучи увлечена спором, она не обратила внимание на эту смену декораций и не подвергла критике логику событий. С ней такое случалось – она привыкла. Привыкаем же мы к дежа-вю. Она еще в раннем детстве заметила, что с пространством и временем периодически случаются непонятные сдвиги, выпадают целые куски; сначала это удивляет, ты силишься вспомнить, как это произошло, а потом вдруг все встает на свои места – и ты понимаешь, что не было никакого сдвига, выпавший кусок как-то более-менее заполняется логичным содержанием, и все это тебе показалось (ну точно так же, как и с дежа-вю). Она когда-то пыталась обсудить это со знакомыми. Знакомые несли всякую чушь, что, мол, это доказывает существование какого-то параллельного пространства или прошлой жизни, что у нее хуже, чем у других, стерта трансреинкарнационная память и т. п. Спросила у отца – он сначала озабоченно нахмурился, а потом сказал, что ничего страшного, у всех такое бывает. В целях экономии мозговых ресурсов у человека, мол, иногда включается режим автопилота – и ему сложно вспомнить какой-то кусок времени, «спроси у любого автомобилиста». Маргарита поспрашивала у автомобилистов – и действительно, явление известное, но только любое незначительное происшествие на дороге, будь то гаишник, пешеход или светофор, моментально выводят сознание из автопилота, как движение мышки – компьютер из спящего режима. Но в целом что-то подобное. И Маргарита решила, что у нее в силу какого-то легкого дефекта мозга этот режим плохо выключается, но, поскольку он сильно не мешает, она последовала совету отца и решила не заострять внимание.

Наконец пришла дама, и они поехали в Царское Село. Непонятно, что у нее были за связи, что за деньги, но она умудрилась организовать безлюдные съемки в Камероновой галерее, в Гроте, в различных помещениях Лицея… Они делали неимоверное количество фотографий, причем дама, зная о своей не особо примечательной внешности, требовала немыслимых художественных ухищрений. То она призрачным силуэтом должна была зависнуть среди колонн, то

эдакой ускользающей тенью мелькнуть под сводами арки, то отражением – в сумрачных водах ручья под мостиком, то мимолетным видением в пушкинской «келье».

Следующие два дня поездок не было; дама была занята, но просила пока из Питера не уезжать. Уставшие от достопримечательностей, Маргарита с Денисом никуда не ходили, сидели в гостинице, занимаясь обработкой фотографий. Долгое сидение за компьютером плохо сказывалось на нервах Маргариты – и в какой-то момент, озверев от фотошопа, она спустилась в пустой холл и села за рояль. Она сыграла несколько несложных произведений – неизменный репертуар, доставшийся в наследство от фанатичного увлечения пятилетней давности, потом стала вспоминать начало любимого ноктюрна Шопена, который так и не смогла доучить. Вспомнив первые аккорды, дальше она уже полагалась на моторную память рук, и действительно: после двух-трех беспомощных репетиций мелодия вдруг воскресла под пальцами и полилась, томительно и экспрессивно. Маргарита много раз слушала этот ноктюрн и знала музыку до конца. Но выучить она успела только первую страницу. Каково же было ее изумление, когда пальцы, ни на миг не споткнувшись на сложнейших пассажах средней части, вдруг уверенно продолжили исполнение и доиграли ноктюрн до знаменитых просветленно-идеальных трех последних нот.

Маргариту обуял восторг! Потом она вдруг испугалась: мистика какая-то! Она решила повторить эксперимент. Аналогичный результат. Неужели опять какой-то глюк программы? Но не мог же выпасть из памяти кусок жизни, эквивалентный разучиванию целого ноктюрна Шопена (а Маргарита прекрасно понимала, как много времени должно было бы уйти у нее, самоучки, на этот процесс).

В общем, подумав, она решила (точнее, она решила думать), что скорее это подсознание играет с ней какие-то странные шутки, по большому счету, наверное, известные науке. В конце концов, на бессознательном уровне где-то в памяти у нее уже давно были записаны эти ноты – знала же она наизусть мелодию… могла пропеть… Возможно, она и не только его умеет играть, просто не знает об этом. То есть она знает, что не умеет – и это ей мешает. Возможно, стоит только рассинхронизировать голову и руки – и она сможет сыграть любое фортепианное произведение, которое знает на слух по пластинкам (у отца была неплохая коллекция классики). Она стала экспериментировать, подобрала несколько музыкальных фраз, но ничего не вышло. Еще бы! Так просто, не спонтанно, из подсознания, конечно, ничего не извлечь. Она еще раз насладилась Шопеном в собственном исполнении – и пошла рассказывать Денису об этом удивительном опыте.

– Посмотри, нет писем у меня? – первое, что спросила она.

– Слушай, это не тот случай.

– В каком смысле?

– В том смысле, что ты не должна рассчитывать с ним на обычную модель отношений: ежедневные звонки, письма, смс-ки… Умей отпускать его от себя, не привязывайся и не навязывайся.

– Я уже безнадежно привязалась. Я хочу постоянно знать, где он, что он делает. И хочу, чтобы он тоже этого хотел.

– Ну-ну, мечтай, – сказал Денис, снова утыкаясь в монитор.

– А что такого? Разве он не говорил, что я ему нравлюсь? Это дает мне право звонить ему, когда захочется. Почему я должна сдерживать свои чувства, подсчитывать, кто кому сколько написал? Разве можно скрывать такое прекрасное чувство?! Мне нечего скрывать, я не желаю лицемерить, играть в какие-то игры…

– Не играй. Пожалуйста. Но в таком случае будь готова: он от тебя через неделю сбежит. Небеснейшая красота великой любви открывается обычно только любящему.

– Я не понимаю: что такого страшного в любви? Я же ничего не требую. Я сама пишу, звоню, когда хочу услышать его голос. Я не предъявляю никаких претензий – сплошной позитив.

– Вот ты вроде умная, да? Вроде такой психолог тонкий… Все умеешь по полочкам разложить… – злился Денис.

– Ну договаривай свою омерзительную правду-матку.

– Любовь делает человека тупым, негибким, некритичным к себе. Каждый раз, вляпываясь в любовь, ты совершаешь ошибки на уровне шестиклассника в толстых-претолстых очках. Толстого шестиклассника в толстых-претолстых очках. Неужели ты не понимаешь, что нет ничего надоедливее, чем этот твой сплошной позитив?! Строить отношения на абсолютной искренности невозможно, это утопия! Любовь – иррациональное, на девяносто процентов чисто инстинктивное чувство; своим преклонением ты ставишь себя в униженное положение. И сколь бы громко культура и разум ни кричали, что смирение и самоумаление – это прекрасно, инстинкты реагируют на это потерей интереса. В инстинктах у нас записано выбирать сильнейшего. От этого тебе не уйти. Сколько раз ты уже признавалась ему в любви?

– Я всегда делала оговорки, что это его ни к чему не обязывает, что я могу простить ему все, что угодно… даже измену смогу простить…

– Ф-фу! – Денис опять в злобе уперся в экран, тщетно пытаясь придать романтическую таинственность упитанному призраку, прильнувшему к статуе.

– Что такого?

– Ни-ко-гда не говори мужчине, что ты его любишь! Ни-ко-гда!!! Если ты хоть раз скажешь мужчине «я тебя люблю» – это все. Конец любви.

– Ох уж! Знаток мужской психологии! – разозлившись, Маргарита становилась кусачей. – Сам небось будешь прыгать от радости, если тебе кто-нибудь в любви признается!

Дениса на несколько мгновений парализовал ее грубый намек, но он стерпел, понимая, что причинил ей немалую боль своей «омерзительной правдой-маткой». Он решил больше не давить. В конце концов, он свою миссию выполнил – мысль была посеяна; дальше эта мысль неизбежно начнет жить своей жизнью. И совершенно незачем доводить спор до победы. Вообще, это только примитивные люди вечно стараются довести любой спор до победы. Денис же, напротив, давно заметил, что намного действеннее в конце спора создать видимость примирения, согласиться, признать долю своей неправоты, чтобы загасить сопротивление. Это обеспечит в голове оппонента благодатную почву для дальнейших размышлений над его аргументами.

Он воспользовался подходящим случаем, чтобы притворно сложить оружие:

– Я, может, и буду. Здесь ты права… – он хотел что-то добавить про неудачное сравнение, но решил даже этого не делать. Самое веское последнее слово в споре – «ты права».

Вот такой он был хитрец.

Естественно, Маргарита напрочь забыла про Шопена.

***

Потом они вернулись в Москву, о чем Маргарита, конечно, сразу оповестила своего Адониса. Ему родители купили просторную, светлую квартиру на последнем этаже небоскреба на Мосфильмовской, где Маргарита очень любила просыпаться и откуда было трудно возвращаться к себе – в пыльный полумрак на Профсоюзной.

А они с отцом жили на первом этаже старого кирпичного дома, и с детства жизнь Маргариты прошла под аккомпанемент хлопающей двери подъезда и непрерывно эксплуатируемого лифта. К себе она никого никогда не приглашала: и отец не любил, да и она сама стеснялась вечного бардака. В их распоряжении были три комнаты, в которые по причине заросшего

деревьями двора почти не проникал солнечный свет. Первая, чуть более светлая, принадлежала Маргарите. Она была довольно большая, но все равно еле справлялась с огромным количеством вещей, составляющих Маргаритин быт. В ней был старый потемневший паркет, два больших деревянных шкафа, до потолка заставленных вещами, поцарапанное черное пианино, служившее одновременно, как и все горизонтальные поверхности, хранилищем вещей, древний скрипучий диван, письменный стол с компьютером, два стула и полки, полки, полки…

Дальше по уходящему за угол коридору находилось двухкомнатное царство отца. Маргарита туда практически не захаживала. Одна из комнат служила ученому лабораторией. Она была буквально завалена химическим скарбом: микроскопами, инструментами, препаратами, в том числе опасными для жизни, так что всегда была на замке. Она имела запасной выход на черную лестницу, которой никто никогда не пользовался, что было очень удобно, так как служило дополнительным складом для бесчисленного околонаучного хлама. Войти в эту лабораторию можно было только через отцовские покои, что являлось дополнительной преградой для любых потенциальных посетителей, знакомых с крайним негостеприимством хозяина.

С дочерью он пересекался в основном на кухне или, в редких случаях, в ее комнате, куда заходил по какому-нибудь неожиданному для Маргариты вопросу. Кроме еды, у них было мало точек соприкосновения, но иногда отцу пригождался Маргаритин журналистский кругозор и умение ориентироваться в действительности. Вот и сегодня, застав наконец ее дома (он и забыл, что она на несколько дней собиралась в Питер), отец, знакомо поскрипев дверью, зашел к ней в комнату и спросил:

– Не знаешь, к кому надо обращаться по поводу ремонта стекла?

– Опять что-то взорвал? – вместо приветствия пошутила Маргарита.

– Можно и так сказать. Хотя, строго говоря, это не был в классическом смысле слова взрывной процесс, – вместо приветствия отшутился он. – Я частично заклеил лейкопластырем, но остались пропуски.

– Я позвоню, договорюсь, чтоб пришли. Ты сам с ними хочешь общаться или назначить, когда мне удобно?

– Лучше в моем присутствии. Я напишу тебе графичек.

Через десять минут он снова поскрипел дверью и протянул Маргарите клочок желтой бумаги, с прописанными аккуратным столбиком ближайшими днями недели и циферками часов, которые он планировал провести дома.

– Постарайся поскорее их пригласить.

– Что, раздражает окно в объективную реальность?

– Нет, – уже из-за двери ответил тот, – в субъективную.

– Не запирайся, сейчас будем ужинать.

– А что, появилась какая-то еда?

– Да, – усмехнулась Маргарита, – еду дали (это она спародировала излюбленный отцовский оборот; ему все жизненные удобства «давали» какие-то загадочные группы людей, о которых он имел весьма смутные представления; в период соответствующих неисправностей он, предпочитая не вступать в контакты с этими коммунальными стихиями, ограничивался вопросами: «Интернет дали?», «Канализацию дали?», «Тепло дали?»).

За столом обычно молчали: Маргарита думала о своем, отец – о своем. Как-то раз у них несколько дней гостила тетка – сестра отца; так она на второй день чуть с ума не сошла: все искала какие-нибудь источники человеческого голоса (радио, телевизор), жаловалась, мол, «у меня в ушах звенит от вашей тишины». И это при том, что квартира находилась почти в центре Москвы, за окнами звенели трамваи и троллейбусы… Очень непривычно ей было это отсутствие разговоров.

Зато отца она, наоборот, утомила своими расспросами, и, если б не один эксперимент, в котором она по доброте души согласилась участвовать, он бы ее быстренько спровадил. Мар-

гарита не очень поняла цель эксперимента – отец объяснялся туманно – но, когда она входила в лабораторию (тетушка периодически оглашала квартиру криком: «Маргариточка, принеси мне, пожалуйста, чаю с сухариками»), то заставала ее сидящей в кресле с массой каких-то датчиков, закрепленных по всему телу, особенно на голове. В таком положении, глядя на монитор, тетка вынуждена была просиживать часами, а мозг и все ее тело должны были выдавать какие-то реакции, соответствующие видеоряду. Отец бесцеремонно оставлял ее в этом положении одну, сам уходил по делам, возвращался, только чтобы проверить, все ли идет по плану, ворчал, если она начинала клевать носом.

Между ними происходили трогательные перебранки. Тетка упрекала его в эгоизме, а он говорил, что магазины не сделают ее никчемное существование менее никчемным, а этот эксперимент – единственная польза, которую ей в этой жизни выпадает шанс принести. Она злилась, обижалась, ругалась, но кротко сидела: она, в общем-то, понимала, насколько все это брату нужно и, главное, что кроме нее ему не к кому с этим обратиться.

– Что, Маргарита, ты отказываешься быть для него подопытным кроликом? – спрашивала тетушка.

– Нет, она не годится, – перебивал отец. – Мне нужен мозг, не затуманенный интеллектом.

– А у тебя в клинике?

– Там исчерпан ресурс, и потом они же хотят бумажки, а ты знаешь, как я ненавижу бумажки.

В общем, сполна отсидев в кресле свой сестринский долг и вдоволь находившись по магазинам, тетушка отбыла домой – продолжать свое «никчемное существование», которое кому-то, наоборот, показалось бы очень даже осмысленным, учитывая прорву внуков, требующих перманентного сверхдеятельного спасения от потенциального алкоголизма, наркотиков, судов, голода, холода и прочей провинциальной прелести. Попутно рефлекс спасения распространился и на Маргариту. Тетка хотела забрать ее с собой, чтобы та находилась под заботливым присмотром и нашла бы себе нормального жениха («Знаешь, какие у нас женихи хорошие?»). Тетушкины представления о хорошем женихе сводились к двум параметрам: не пьющий и работящий; но Маргариту отделяло от столь глубокой житейской мудрости еще как минимум три неудачных романа. Она не соблазнилась, сославшись на то, что «еще не исчерпала свой московский ресурс», и мы смело можем продолжать рассказ, не меняя жанра.

Так вот в тот вечер они по обыкновению ужинали молча. Они оба совершенно не замечали этого молчания. Им как-то даже в голову не приходило, что надо о чем-нибудь поговорить, что нормально – за столом общаться.

Вот интересный тоже феномен – это молчание за столом, да и вообще этот ритуал – совместного принятия пищи. С одной стороны, казалось бы, хроническое молчание за столом – это плохой признак. Это значит, что у людей нет ничего общего; или они невероятно закрыты друг от друга; или, может быть, у них накопилось слишком много больных тем, обсуждения которых они боятся, а разговор на другие темы по сравнению с важностью этих – слишком явно фальшив. Так часто бывает у родителей с обросшими проблемами подростками. Например: сессия, жутко ответственные экзамены, а сын несколько дней спит до часу дня и никуда не выходит из дома. Ясно, что, сев с матерью за стол, он вряд ли услышит замечания по поводу теплой зимы или вопросы о том, какие фильмы он предпочитает. Если же все-таки он услышит именно такие вопросы, то это будет значить, что мать нарочно избегает больных тем (сама боится/чего-то ждет/демонстрирует свою деликатность…). А если же – третий вариант – мать искренне интересуется фильмами и за этим не стоит тягостных мыслей «о главном», то это уж совсем плохо: это значит, что ей безразличны проблемы сына (и он, поняв это, тоже будет фрустрирован). В общем, как ни крути, вряд ли сыну в этот период захочется принимать пищу совместно с родителями; скорее всего, предпочтет выждать, а потом перекусить в одиночестве.

Но у Маргариты с отцом, если оба были дома (что, вообще говоря, довольно редко случалось), никогда не возникало дискомфорта по этому поводу. Было как-то совершенно естественно, что, приготовив еду, она зовет его за стол; или, наоборот, что он, придя голодным, заруливает не на кухню (в которой он плохо ориентировался), а к ней в комнату – и, если находит ее там, коротко спрашивает: «Едим?».

А потребность искусственно поддерживать разговор за столом – это скорее признак какого-то иррационального отчуждения, нежели наоборот.

Маргарита думала об Адонисе. Ей нужно было принять важное, не допускающее промедления решение. Строго говоря, такие решения должны приниматься вдвоем, но это если речь идет об обычных людях с нормальными отношениями. А он – необычный человек, и апеллировать к норме в общении с ним – по меньшей мере бессмысленно. К тому же, Маргарита заочно прекрасно знала его решение. Мало того, она была уверена, что в нем все восстанет против. В этом, собственно, и заключался весь драматизм ситуации – что Маргарита обдумывала вариант развития событий, откровенно шедший вразрез со всеми его мыслимыми сценариями. Но. Одновременно она догадывалась, что от ее решения зависит, будет ли он так же стопроцентно свободен в своих поступках, как сейчас. Все-таки и у него были какие-то рамки. Пусть шире, чем у других, но они были. Его бы это привязало. Она это чувствовала. Другой вопрос – высока ли цена такой привязанности? Положа руку на сердце, Маргарита вынуждена была признаться себе, что отношения в этом случае неизбежно испортятся, что он слишком ценит свою свободу, и зависимость, вырванную у него таким способом, он будет тихо проклинать, и ничего хорошего все равно не получится. Все это она ясно видела – в редкие моменты, когда не пыталась себя обманывать. В эти же моменты она отчетливо понимала, что единственное условие гармоничных отношений с ним – это предоставление ему полной свободы. Только в этом случае сохранялся шанс, что он по собственной воле еще будет с ней общаться, что сам будет инициировать встречи, что в нем периодически будет вспыхивать желание ее увидеть. Но беда в том, что интенсивность этой его привязанности была катастрофически мала для Маргариты. То есть для нее эта схема все равно не была бы гармоничной (только если каким-то зверским усилием воли смирить себя и приспособиться к его эмоциональному ритму, отменив звонки, письма, отказавшись полностью от инициативы). И скорее всего, к тому же, что все равно все это вскоре сойдет на нет (это она тоже чувствовала, то есть она понимала, что в идеале и к этому она тоже должна себя подготовить зверским усилием воли). Это будет ад. Так может, лучше было бы привязать сейчас его к себе насильно? Может, такой вариант ада будет все же менее ужасен? И, снова положа руку на сердце (точнее – на нижнюю часть живота), Маргарита вынуждена была признаться себе в том, что этот вариант ада был бы ужаснее. Ведь он был бы окрашен в такие пестрые краски, как постоянные скандалы, его ненависть…, подозрения, ревность и бесплодные ожидания…, презрение к себе… (о будущем ребенке даже думать уже не приходилось: ясно, что он в этом случае – лишь способ; его судьбу никто даже в расчет не берет – ох, как ужасали Маргариту все эти мысли).

И все ж самой кинжальной была простая и жесткая мысль – не звонить ему сегодня.

А ведь решение надо было принять уже на этой неделе. Потом это будет уже более тяжелая операция, да еще и с риском бесплодия на всю оставшуюся жизнь.

Голосу разума оппонировала райская картинка, приводящая ее в состояние наркотического умиления. Она представляла себя в его светлой квартире со стеклянными стенами, на последнем этаже небоскреба, где даже крыша местами была из стекла, так что создавалось впечатление, что живешь прямо на небе, – как в этой огромной чудесной квартире с кучей спален и ванных комнат, с такой гостиной, что на велосипеде можно кататься, – что в этой квартире будет отделана детская комнатка, поставлена кроватка с пологом и навалена груда подушек по периметру глубокого ворсистого ковра. Потом мысли переносились незаметно к другим предметам и наконец заносились бог знает куда, квартира начинала зарастать у нее пальмами

и рододендронами, строился бельведер, и они пили чай на открытом воздухе (женские мечты о счастье всегда обрастают массой архитектурных подробностей).

«Ну почему? Почему это невозможно?! – вгоняя себя в эйфорию, недоумевала она. – Это же так прекрасно!». И не было рядом Дениса с его коронным «ф-фу», который бы четко объяснил, что мужчин при одной мысли о мягких подушках с кроватками начинает тошнить и что, мол, как же сильно любовь бьет по интеллекту (это бы он уже о Маргарите). Но она теперь боялась делиться с ним мыслями. А вместе с тем только он и мог бы напомнить ей, что «в бокале с шампанским кровь», – что небесные апартаменты куплены за деньги, причем деньги, скорее всего, не очень чистые, что остальные москвичи ютятся в денежном эквиваленте на одном квадратном метре такого «рая» и прятать от себя правду жизни за словами «небо» и «красота» в данном случае не только слепой идеализм, а прямая аморальность, я уже не говорю о тех (закончил бы он), кто живет здесь за чужой счет.

Сам же Денис между тем встретился с Адонисом. Узнав, что они возвращаются из Петербурга, Адонис вдруг захотел позвонить не Маргарите, а ему. Был в Денисе какой-то импонирующий ему хамоватый тон, какое-то дразнящее пренебрежение и, чего греха таить, незатейливое обаяние веселого, умного и разговорчивого человека. А что немного женственный и хрупкий, так это… в общем, тоже импонировало.

– Давай напьемся где-нибудь, – предложил Адонис.

– Напиться? Ну, если тебя не смущает, что я буду блевать…

– Не смущает.

Они встретились в каком-то прокуренном кабаке, потом шатались по центру Москвы, покупая по ларькам пиво, потом взяли коньяк и поехали к богемным знакомым Дениса, там еще немного попили, потом отправились ночевать к Денису, предварительно затарившись еще каким-то крепким алкоголем.

Денис снимал квартиру в Очаково. Это была немыслимая однокомнатная хрущевка. Хозяин ее, пожилой алкаш (они так и называли его – Алкаш), остановил как-то Дениса около журфака и спросил: «Не знаете, к кому здесь обращаться по поводу сдачи квартиры?». «Это ко мне», – не задумываясь, ответил Денис – и сделка была совершена.

На кухне присутствовал только пустой холодильник. Вся жизнь протекала в комнате. Там было две кровати. Одна представляла собой реликтовый диван со сломанным механизмом, вторая была сконструирована из двери, лежащей, как выразился Денис, на «книжной массе». Действительно, подняв край свисающей простыни, можно было увидеть, что опорой для кровати служит огромное количество самых разнообразных книг, местами даже вполне интересных (у Дениса была пагубная привычка тащить в дом все бумажное, что встречалось на его пути: то знакомые решат от библиотеки избавиться, то соседи в подъезде выставят на разбор надоевшие журналы, то что-нибудь сам прикупит по дешевке…). А пыльный бардак и презрение к быту он считал, видимо, важным атрибутом мужественности, и это входило в его имидж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.